

А. А. Непомнящий

**НЕИЗВЕСТНЫЙ НИКОЛАЙ ЭРНСТ:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ КИЕВА,
МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

В последние годы в «новой биографической истории» особенное значение придается выявлению автобиографической составляющей различных документов¹. Не стала исключением и активно развивающаяся история крымоведения 20-х гг. XX в. Имя Николая Львовича Эрнста (1889—1956) занимает в ней одно из ключевых мест. Первый директор, практически организатор Центрального музея Тавриды, первый заведующий библиотекой Таврического университета, выдающийся археолог и подвижник памятникоохранительной работы, профессор Крымского университета (Педагогического института имени товарища М. В. Фрунзе), организатор науки, преемник Арсения Ивановича Маркевича на посту председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии — вот далеко не полный перечень мест деятельности Н. Л. Эрнста². В середине 1960-х гг. его имя было возвращено из забвения, а в конце 1980-х — полностью реабилитировано в научном крымоведении³.

Выявленные нами в последние годы многочисленные биографические документы Николая Львовича в различных архивах Санкт-Петербурга и Киева позволяют раскрыть интересные моменты его судьбы, подкрепить или уточнить устоявшиеся сведения. Каждый из найденных документов, относящихся к характеристике деятельности такой значимой для истории изучения Крыма фигуры, как Н. Л. Эрнст, представляет несомненный интерес, а введение корпуса этих исторических источников в научный оборот позволит объективно восстановить историю исторической науки в Крыму в целом. Это тем более актуально, что небольшой личный фонд исследователя, оформившийся в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, уже после смерти Н. Л. Эрнста из документов, переданных его женой (ф. Р-3283), слабо отражает его разностороннюю научную деятельность в довоенный период. Супруга Николая Львовича Софья Николаевна Олтаржевская так поясняла это в письме к профессору С. И. Белоконову от 14 июня 1974 г.: «Во время ареста Н. Л. все материалы, документы, над которым[и] он работал, все ра-

боты его, уже вышедшие из печати, письма и многое другое были изъяты. Словом, все ящики письменного стола Н. Л. и полки книжные с изданными работами были опустошены. После реабилитации Н. Л. мне ничего не вернули, ссылаясь на то, что все изъятое якобы было уничтожено»⁴.

Среди новых биографических источников прежде всего выделим анкеты, собственноручно заполненные Н. Л. Эрнстом, отложившиеся в фонде Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук: Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР» (1924—1930); Комиссия «Наука и научные работники СССР» (1930—1932); Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (1932—1934). Хронологически пять выявленных там анкет охватывают 1926—1933 гг.⁵. Первая из них заполнена историком 8 мая 1926 г. Ученая степень указана как «doktor phil.», должность: заведующий Археологическим отделом Центрального музея Тавриды, секретарь Таврического общества истории, археологии и этнографии. Специальность, в какой проводит ученые разыскания, указана «Археология и история Крыма», а «научная в ней область» — как «Древности Крыма доисторические и средневековые»⁶. Документ содержит информацию о службе и домашнем адресе. Аналогичными по информативности являются анкеты, заполненные с интервалом в пять дней: 15 и 20 сентября 1926 г.⁷. Очевидно, анкетирование проводилось различными местными научными учреждениями, где сотрудничал краевед, каждое из которых централизованно отправляло информацию о своих сотрудниках в Ленинград. Наиболее информативной является четырехстраничная анкета, заполненная в 1930 г., где подробно изложен жизненный путь исследователя⁸. Здесь Н. Л. Эрнст указал, что сотрудничает с Крымским областным бюро краеведения, Таврическим обществом истории, археологии и этнографии и Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей. В анкете содержится перечень наиболее значимых научных работ краеведа, который включает 13 названий⁹. Последняя из сохранившихся в данном фонде анкет Н. Л. Эрнста датирована 12 сентября 1933 г., где он, «сын инженера, беспартийный», сообщил лишь основные биографические данные¹⁰. На отдельном листе приложен список научных трудов Н. Л. Эрнста, составленный его рукой, который повторяет публикации, названные в анкете 1930 г.¹¹ Анкетные данные дополняют сведения из эпистолярного наследия крупнейших деятелей крымоведения той эпохи, осколки воспоминаний о Николае Львовиче.

Предки ученого-крымоведа переселились на Украину из Германии в начале XIX в. Дед Николая Львовича со стороны отца работал на помещичьих суконных фабриках в Волынской, Киевской и Полтавской губерниях. Отец, так и не получив школьного образования, мальчиком служил приказчиком в киевских торговых фирмах, а позже стал сотрудником страхового общества «Надежда»¹². По социальному положению он счи-

тался купцом второй гильдии. В Глухове Людвиг Эрнст имел в собственности небольшую фабрику по производству веревок¹³. Дед со стороны матери Даниил-Николай Николаевич Неезе родился в 1818 г. в Риге. В 1854 г. совет киевского Университета Святого Владимира избрал его ученым аптекарем со званием адъюнкт-профессора¹⁴. Мать Эрнста, Кристина, получила домашнее образование¹⁵. В семье Эрнстов было шестеро детей. Дочери Евгения (р. около 1877), Елена (р. около 1880), сын Георгий (р. около 1883), дочь Вера (р. около 1887). Самым младшим был брат Теодор-Рихард (р. в 1891). Последний — Федор Людвигович Эрнст — стал выдающимся историком искусства и деятелем в области охраны памятников истории и культуры Украины¹⁶. Николай Львович родился 23 сентября 1889 г. (именно так он указывал в анкетах) в Киеве¹⁷.

В 1900 г. семья потеряла отца, и им пришлось переехать в Глухов, чтобы следить за состоянием дел на фабрике¹⁸. В Глухове, известном украинском культурном центре, Николай обучался в гимназии, которую окончил в 1907 г. Не имея достаточно средств для продолжения образования сыновей в России, семья вынуждена была согласиться с предложением дяди — известного киевского врача-окулиста Эрнста Николаевича Неезе (1850—1930), который предложил финансовую помощь братьям Николаю и Федору для получения высшего образования с обязательным условием, что учиться они будут в Берлинском университете, который в свое время окончил сам¹⁹. С 1907 г. Николай стал студентом Берлинского университета, где изучал историю на историческом отделении философского факультета²⁰. Ему посчастливилось слушать лекции таких блестящих историков, как Ганс Дельбрюк и Эдуард Майер. В эти годы вместе с братом Теодором, который после окончания гимназии также стал студентом этого же факультета, они объехали множество старинных городов, познакомились с всемирно известными музейными коллекциями Германии и Австрии. Выпускной диссертацией Николая стало исследование «Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III».

В 1911 г., сразу по окончании университетского курса, Николай Львович приезжает в Киев. Здесь он получил должность библиотекаря в Университете Святого Владимира (1911—1914). Уже после отъезда Н. Л. Эрнста из Германии в 1912 г. в берлинском научном издании была напечатана его статья «Первые набеги крымских татар на Южную Россию»²¹. Начало Первой мировой войны прервало деятельность Николая Львовича в киевском университете, где у него успели сложиться научные связи с профессорами М. В. Довнар-Запольским, В. С. Иконниковым, Т. Д. Флоринским. Нагнетание антинемецких настроений в Киеве было связано с громким разоблачением резидента немецко-австрийской разведки Александра Оскаровича Альтшиллера, который проживал в собственном доме № 24 в Киеве на Кузнечной улице. Агентом немцев ока-

зался и хозяин киевского кинотеатра (Крещатик, 38) Антон Шанцер²². Братьев Николая и Федора Эрнстов арестовали. До 23 августа их держали в «дворцовом участке», а затем выслали на проживание в организованный в селе Куртамыш Томской области лагерь для немцев. Особенно остро время ссылки переживал младший брат Николая — Федор. По воспоминаниям его жены, «уходя в лес, он [Федор] бился там головой о деревья, пока боль в окровавленной голове не побеждала боль моральную. В таком состоянии его несколько раз заставлял Н. Л., который серьезно опасался за рассудок младшего брата»²³.

Как свидетельствуют заполненные Н. Л. Эрнстом позже анкеты, в 1914—1917 гг. Николай Львович трудился заведующим библиотекой в Киевском коммерческом институте. Время высылки в этих документах вообще не отражено²⁴. Очевидно, он не хотел афишировать этот период своей биографии. Действительно, 1 мая 1914 г. Н. Л. Эрнст был избран на должность библиотекаря Киевского коммерческого института, но правление вуза затем отменило это постановление²⁵. Из Киева были высланы все представители семьи Эрнстов, даже его престарелая мать. Они смогли вернуться в Киев только в августе 1917 г.²⁶, приняли присягу на верность России и ее Временному правительству. Начало революционной неразберихи в Киеве и организация Украинской Центральной рады повлияли на решение Николая Львовича не оставаться в Украине. Четкий курс лидеров украинского национального движения на автономию от России Н. Л. Эрнст не разделял.

В августе 1917 г. Николай Львович переехал в Петроград, где сначала устроился внештатным служащим в Российскую публичную библиотеку, а с 8 апреля 1918 г. был принят сотрудником читального зала²⁷. Для изучения этого непродолжительного петроградского периода жизни Н. Л. Эрнста представляет интерес дело «О службе Н. Л. Эрнста», сохранившееся в отделе архивных документов Российской национальной библиотеки. В заявлении в совет Российской публичной библиотеки от библиотекаря Н. Л. Эрнста значилось: «Повторяя сим свое заявление от 23-го августа прошл. года, покорнейше прошу принять меня в число служащих Российской публичной библиотеки. С 1911-го года я состоял на службе в библиотеке Киевского университета, а затем был заведующим библиотекой Киевского коммерческого института. По специальности я русский историк и напечатал ряд научных трудов и статей. Работал я в большинстве крупнейших библиотек России и Запада, имею степень доктора философии Берлинского университета и знаю большую часть европейских языков. Петроград. 26 марта 1918 г. Николай Эрнст. Адрес: Петроград, Мыгнинская ул., 22, кв. 9. уг. 8-й Рождественской»²⁸.

Директор библиотеки Эрнест Львович Радлов в письме от 11 апреля 1918 г. (№ 390) сообщал Н. Л. Эрнсту: «Милостивый государь Николай

Львович. Российская публичная Библиотека имеет честь уведомить Вас, что согласно постановлению Совета Библиотеки Вы определены нештатным служащим Библиотеки, с окладом в размере 325 р. в месяц с 6 апреля 1918 г.»²⁹. То, что Н. Л. Эрнст свободно владел иностранными языками (немецкий и французский) предопределило его перевод с 19 июня 1918 г. в отделение «Rossica», где была сконцентрирована литература о России на все языках мира³⁰.

На заседании малого комитета библиотеки было принято решение об увольнении Н. Л. Эрнста «в связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина»³¹. В служебной документации библиотеки выявлены разночтения в дате окончательного увольнения Николая Львовича³². Наиболее позднее из встречающихся распоряжений о его увольнении из Российской публичной библиотеки с 1 ноября 1918 г. датировано 20 декабря 1918 г.³³

Приехав из Петрограда в Симферополь, Н. Л. Эрнст попал в творческую, насыщенную духом просвещения высококультурную среду. Дело в том, что, в отличие от других регионов бывшей Российской империи, революционные события 1917 г. и последующие перипетии Гражданской войны не свели на нет в Крыму деятельность местного ученого сообщества, а наоборот, активизировали научную работу в регионе, что прежде всего сказалось на трудах Таврической ученой архивной комиссии. Спасаясь от революционного лихолетья, в Крыму в это время оказалось много выдающихся ученых, в том числе историков. Так, в эти годы сюда приехали из столиц известные ученые-гуманитарии: историк искусства, член-корреспондент Академии наук Дмитрий Власьевич Айналов (член ТУАК с 3 июня 1919 г.), философ и теолог Сергей Николаевич Булгаков (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), историки Георгий Владимирович Вернадский (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.) и Борис Дмитриевич Греков (член ТУАК с 9 февраля 1919 г.), историк искусства, академик Никодим Павлович Кондаков (член ТУАК с 1891 г.), литературовед Евгений Вячеславович Петухов (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), профессора Новороссийского университета в Одессе Алексей Николаевич Деревицкий (член ТУАК с 1896 г.) и Иван Андреевич Линниченко (член ТУАК с 1902 г.) и многие другие выдающиеся деятели науки³⁴.

Молодой энергичный немец быстро влился в круг местной интеллектуальной элиты. Имея опыт работы в крупных книгохранилищах, он стал заведующим научной библиотекой в Таврическом университете (1918—1921). Одновременно Николай Львович получил должность приват-доцента, позже — профессора сразу на двух кафедрах вуза — российской истории и немецкого языка. В 1920 г. он одновременно поступил на работу в Центральный музей Тавриды заведующим. Именно на него легла тяжелая ноша организации нового музея в Симферополе. Прослужив за-

ведущим до 1922 г., Николай Львович перешел на должность заведующего археологическим отделом музея³⁵.

С первых дней своего появления в Крыму Н. Л. Эрнст значительное внимание уделял изучению местных древностей, археологическим разысканиям. Он активно включился в подвижническую деятельность местной интеллигенции по охране культурного наследия.

В Рукописном архиве Института истории материальной культуры сохранился важный документ, освещающий историю научной жизни Крыма в данную эпоху. Это письмо заведующего КрымОХРИСа Г. А. Бонч-Осмоловского³⁶ в Академию истории материальной культуры, датированное 23 июля 1921 г. В нем сообщалось, что «в ноябре 1920 г. в Симферополе при ОХРИС было образовано Ученое Совещание в следующем составе: представители Таврического университета — профессора Деревицкий, Айналов, Маркевич, Эрнст; по естественно-историческим наукам — профессора Кузнецов, Лучицкий, Попов, Завадовский; представитель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы — профессор Клепинин; представитель Таврической ученой архивной комиссии — Маркевич; представители татарского отдела — Боданинский, Абиев и Акчокраклы; заведующий художественным сектором — Я. Тугендхольд; заведующий КрымОХРИСом — Бонч-Осмоловский». Глеб Анатольевич просил столичных коллег способствовать укреплению положения Ученого Совещания и ставил вопрос об объединении крымского Ученого Совещания с Российской академией наук³⁷.

В составленном А. И. Полкановым в декабре 1921 г. «Очерке деятельности ученого совещания при КрымОХРИСе за 1-й год его существования» были перечислены «наиболее важные доклады, читавшиеся и обсуждавшиеся на заседаниях». Мы приведем их полный список, чтобы продемонстрировать интенсивность работы Николая Львовича в это время и характер его научных интересов в Крыму:

- 1) Акад. проф. Н. И. Кузнецов. Организация общеобразовательных экскурсий в Крыму.
- 2) Проф. Н. Н. Клепинин. Об охране памятников старины и природы в Крыму.
- 3) Проф. Д. В. Айналов. Таблицы по искусству доисторического человека.
- 4) Проф. Н. Л. Эрнст. Неолитическая стоянка у села Саблы Симферопольского уезда (отчет о разведке).
- 5) И. Н. Лаговский. Очерк истории фарфора в Европе (как введение к коллекции фарфора Центрального музея Тавриды).
- 6) Проф. Н. Н. Клепинин. Регистрация памятников старины.
- 7) Проф. Н. Л. Эрнст. Неолитическая стоянка у пещеры Кызыл-Коба (отчет о разведке).
- 8) Проф. Д. В. Айналов. Наиболее замечательные картины Центр. музея Тавриды.

- 9) П. Я. Чепурина. Старинные деревянные татарские дома в Евпатории и их охрана.
- 10) Проф. Н. Л. Эрнст. Пушкинский домик в Гурзуфе, его состояние и дальнейшая судьба (отчет о поездке).
- 11) П. И. Новицкий. Охрана татарской старины и искусства.
- 12) Проф. Н. Л. Эрнст. Неолитическая стоянка у горы Кара-Даг (отчет о разведках).
- 13) П. И. Крестианполь. Устройство при музеях художественных выставок.
- 14) Проф. Н. Л. Эрнст. Состояние музеев и древностей Керчи и Феодосии и меры к их охране (отчет о поездке).
- 15) Прево. Реорганизация Бахчисарайского Музея и Дворца.
- 16) Бирюков. О музейном строительстве.
- 17) Проф. А. И. Маркевич. Судьбы Крымских древностей.
- 18) А. И. Полканов. Состояние Ялтинских музеев, дворцов и ОХРИСа (отчет о поездке).
- 19) Проф. Н. Л. Эрнст. Положение древностей и музеев в Судаке и Новом Свете (отчет о поездке)³⁸.

Среди разнообразного корпуса исторических источников, которые помогают восстановить историю изучения Крыма, более рельефно ощутить особенности пульсации научной жизни на полуострове в различные эпохи, мы выделяем и активно разрабатываем прежде всего *эпистолярное наследие* крымоведов³⁹. Настоящим открытием для истории науки стали выявленные нами в личном архивном фонде известного украинского историка, искусствоведа, музейоведа и деятеля памятниковоохранительной сферы Федора Людвиговича Эрнста (1891—1942) письма к нему брата — Николая Львовича. Дело не атрибутировано: имеет заголовок «Письма Ф. Л. Эрнсту некоего Коли».

Изучение личной и служебной переписки позволяет нам воссоздать интеллектуальную напряженность эпохи, демонстрирует особенности характеров, пристрастия, субъективные оценки историков. Вместе с тем как раз эти источники до последнего времени оставались в значительно меньшей степени введенными в научный оборот, исследованными. Причиной такой ситуации является трудоемкость их разыскания и разработки в личных архивных фондах крымоведов и архивах крымоведческих обществ, которые хранятся в основном в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и, в сравнительно малом количестве, в Симферополе. Вместе с тем письма являются и важным, до сих пор мало разработанным библиографическим источником: краеведы Крыма, обсуждая на страницах своей переписки различные сюжеты местной истории, постоянно сообщали друг другу о новинках литературы по данным вопросам, выполняли друг для друга различные библиографические запросы, давали оценки сочинениям коллег, рассказывали о своих новых публикациях.

Сохранившиеся письма Н. Л. Эрнста брату охватывают период с февраля 1921 по ноябрь 1930 г. Братья — коллеги на поприще изучения и охраны культурного наследия — были дружны и постоянно поддерживали переписку. Это подтверждают строки письма жены Федора Людвиговича — Тамары Львовны, адресованного доктору исторических наук, профессору Сергею Ивановичу Белоконову от 22 октября 1967 г.: «“Киулей” он называл в шутку своего брата Николая Людвиговича, с которым был дружен и связан общими научными интересами. Это был тоже крупный исследователь — историк и археолог»⁴⁰. Из содержания переписки явно, что в личном архивном фонде Федора Людвиговича отложились не все письма брата. Об этом свидетельствует разрыв сюжетных линий, порой значительные хронологические лакуны (до нескольких лет). При этом в отдельных случаях сохранились ежемесячные послания, что свидетельствует о системности эпистолярного общения братьев.

Первое из сохранных писем датировано 20 февраля 1921 г. Для нас оно особенно интересно тем, что этот сложный период становления новых советских порядков на полуострове — время страшного голода, унесшего тысячи человеческих жизней, и разрухи — менее других охвачен имеющимся в нашем распоряжении эпистолярным наследием других деятелей кримведения. Н. Л. Эрнст сообщал брату:

У меня настроение менее жизнерадостное, чем обыкновенно. Очень страдаю от холода, в чем, правда, в значительной степени сам виноват, так как не запасся дровами вовремя, поверивши обещаниям Университета. А тут как нарочно еще необычно длинная зима. Словом, руки коченеют и невозможно заниматься. Вечером горит, как у Нестора Летописца, лампада. Это тоже не подымает настроение. Обедаю в советской столовой, где дают пригоревшую кашу из пшеницы. Жалования не платят 4 месяца, так как в Крыму нет советских денег. Продавать мне нечего, ибо лучшую часть моего гардероба украли солдаты. Словом, не хорошо.

Между тем работы сколько угодно. Правда, в Университете упразднили историко-филологический факультет⁴¹, так что лекции мои прекратились. Однако я тогда стал читать на естественном факультете курс «Доисторический человек». (Я вообще ударился в археологию.)

Много работы по библиотеке. Кроме того, устраивается здесь Центральный музей Тавриды — археологический и художественный, в коем я состою директором. Конечно, масса работы, возни. И за все это получаешь фунт хлеба и немного пригоревшей каши. Обидно. <...>

Провел я, напр., чудесное лето, ползавши вдоль по горам в окрестностях Бахчисарая, исследуя район поселений древних готов, их укрепления, пещерные города. Затем бродил по южному берегу в подобных же целях. Привез с собою много рисунков, планов, заметок. Кормился, правда, черт знает чем, ночевал где Бог пошлет и терпел разные невзгоды вплоть до «зеленых» в горах, но чувствовал себя чудесно и был вполне удовлетворен...⁴²

4 июля 1921 г. Николай Львович сообщал брату: «Провожу лето довольно подвижным способом. Двигаюсь много по городу и по Крыму. В городе у меня масса работы, так как я состою в нескольких учреждениях»⁴³. Такую трудовую ретивость он прозаически объяснял необходимостью «погони за пайками»: «я работаю в университете на двух должностях, в музее, в Кавалерийском училище (!), во Внешторге (!) и Финотделе (!). Какое я имею отношение к этим последним учреждениям, ведает один Аллах. Вот и гоняю целыми днями по городу, высунувши язык»⁴⁴. В этом же письме Н. Л. Эрнст рассказывает о научной поездке по маршруту Карасубазар — Феодосия — Керчь, во время которой он осматривал памятники археологии, знакомился с историей и этнографией крымчаков⁴⁵.

В следующих письмах Николая Львовича (например, от 5 ноября 1923 г.) содержится все более информации о проведенных им археологических раскопках «пещеры в 25 верстах от Симферополя»⁴⁶.

События 1924 г. дошли до нас сразу в четырех письмах Н. Л. Эрнста к брату. В послании от 21 мая 1924 г. он сообщал: «Дома писал понемногу, да все вещи, которых нельзя напечатать. Никак не могу пересилить себя и писать разную плоскую популярщину для экскурсантов, а это теперь единственный товар в спросе. Читал спорадически лекции, регулярно в Университете не читал — раздражает атмосфера»⁴⁷. В двух последующих письмах (от 30 июня и 12 июля) Николай Львович оговаривал детали приезда Федора Людвиговича в Крым, организации его отдыха и культурно-научную программу (осмотр крымских древностей и раскопок). Киевскому гостю хотелось побывать в Севастополе и осмотреть археологические памятники Юго-Западного Крыма и южного берега. Брат договорился о его проживании в Херсонесе⁴⁸.

23 октября Н. Л. Эрнст сообщал в Киев: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым»⁴⁹. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые, ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го — началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции»⁵⁰.

2 марта 1925 г. в письме к брату Н. Л. Эрнст делился впечатлениями о проходившей в декабре 1924 г. в Москве Второй всесоюзной конференции по краеведению. Крымскую АССР на ней представляли А. И. Полканов и Н. Л. Эрнст⁵¹. Николай Львович сообщал в письме, что «очень близко сошелся на съезде со Спицыным»⁵²; в общежитии спал на

соседней с ним кровати, так что... целыми ночами беседовали. Он чудесный старик»⁵³.

Письма Н. Л. Эрнста являются интересным источником и о проведении Первой Всесоюзной археологической конференции в Керчи. В 1926 г. исполнялось 100-летие со дня официального основания Керченского музея древностей. Крымские краеведы справедливо считали необходимым отметить эту круглую дату проведением в Керчи научной конференции. Конечно, подразумевался археологический съезд, созданный по дореволюционным классическим канонам, однако всем было ясно, что о таком названии собрания советских археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся КрымОХРИС совместно с Керченским археологическим музеем. 17 февраля 1926 г. Николай Львович сообщил Федору Людвиговичу: «предполагается всесоюзный археологический съезд в Керчи и Херсонесе по случаю столетия Керченского музея. Наверное, будет очень интересно. Ведь в первый раз после 1911 года...»⁵⁴

27 марта Н. Л. Эрнст писал в Киев: «Определенно решен вопрос о созыве по случаю столетнего юбилею Керченского музея “Всесоюзной Конференции Археологов” в Керчи в начале сентября. Конференцию созывает Главнаука РСФСР. Для осуществления юбилея вообще и Конференции в частности образованы три комитета — один у нас, крымский, один в Москве, в Главнауке, и один в Питере, в Академии Ист[ории] Мат[ериальной] Культ[уры]. Так как от нас исходила инициатива, то мы продолжаем ее держать в руках, вырабатываем программу юбилея и конференции, списки приглашаемых и пр. Сначала Главнаука хотела придать программе конференции характер, исключительно посвященный керченской археологии. По нашему настоянию она расширила программу в том смысле, что “на конференции читаются доклады из области археологии Крыма и культур южной России, связанных с Крымом”. Хотя с Крымом можно связать все что угодно, все же мы будем настаивать, чтобы программа была еще более расширена и включала вообще всю русскую археологию. Без сомнения, так и будет, даже если в официальной программе и будет значиться вышеприведенная формула. Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов.

По случаю юбилея будет выставка археологической работы музея за 100 лет (чертежи, карты и пр.), будут открыты все катакомбы с фресками, всегда закопанные (я за 7 лет пребывания в Крыму их еще ни разу не видел) — это исключительной редкости случай. Будет устроен ряд интереснейших экскурсий в Нимфей, Мирмикион, к Асандрову валу, на гору Опук и на Тамань. После съезда можно будет еще предпринять какое-нибудь путешествие скопом по Крыму. Из удобств предполагается железнодорожная скидка в 50 %, бесплатная ночевка и очень удешевленные

харчи»⁵⁵. Николай Львович советовался с братом, какие украинские научные учреждения и общества приглашать, предлагал киевским ученым «проявить инициативу» и создать в украинской столице Комитет содействия конференции. Он справедливо заметил, что «желательно, конечно, чтобы приехали деятельные люди и поменьше ротозеев, кустарничающих и научных барышень»⁵⁶.

К вопросу об археологической конференции в Керчи Н. Л. Эрнст вновь возвращается в письме 27 мая 1926 г.: «На твой вопрос о Керченском съезде могу тебе сообщить, что он, по-видимому, состоится, но, возможно, в скромных размерах, ибо мало видов на ассигнования сумм. Вообще, раз дело в руках Главнауки, то оно идет черепашьими шагами и бестолково. Мы со своей стороны все подготовили в феврале-марте, а они до сих пор ни с места, даже приглашений еще не посылают. Могут этим сильно испортить дело. Деньги, собственно, нужны не столько на съезд, сколько на ознаменование юбилея ремонтами, премиями и пр., а для съезда нужны деньги маленькие»⁵⁷. В этом же письме Николай Львович подробно рассказал о результатах своих археологических исследований на Неаполе.

Имя Николая Львовича Эрнста неоднократно встречается в переписке крупнейшей фигуры крымского краеведения Арсения Ивановича Маркевича с деятелями науки в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. 12 апреля 1929 г. в письме к академику Сергею Федоровичу Платонову⁵⁸ Арсений Иванович представляет свое видение конфликта, развернувшегося между двумя крупными археологами, исследователями Крыма той эпохи — Н. И. Репниковым⁵⁹ и Н. Л. Эрнстом. Николая Львовича А. И. Маркевич знал, конечно, лучше, чем Н. И. Репникова. Научные интересы двух археологов тогда столкнулись на Эски-Кермене. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются»⁶⁰. При этом А. И. Маркевич охарактеризовал для С. Ф. Платонова Н. Л. Эрнста: «Н. Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры да городище в Симферополе»⁶¹. При всей сложности, даже антагонизме отношений Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста А. И. Маркевич советовал С. Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», — заключал он.

С. Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 г. он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н. И. Репни-

кова с Н. Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н. Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, — по-моему, Эрнст больше, но это все равно, — и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление»⁶².

В связи с вниманием Академии наук к организации раскопок на Эски-Кермене, интересно письмо Николая Львовича Эрнста, адресованное Владимиру Ивановичу Вернадскому. Крымский краевед был приглашен В. И. Вернадским для участия в заседании АН СССР, где обсуждался вопрос дальнейших исследований Эски-Кермена. 21 марта 1929 г. Н. Л. Эрнст сообщал в Москву:

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Мне переслали сюда в Киев Вашу телеграмму с сообщением о предстоящем 24-го марта заседании Академии наук об Эски-Кермене и с приглашением мне принять в нем участие. Спешу выразить Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и очень сожалею, что не повидался с Вами в Ленинграде.

Я зная, будучи в Ленинграде, об этом заседании, но, несмотря на мою чрезвычайную личную заинтересованность в его теме, не остался для участия в нем; в Москве я присутствовал в конце февраля на таком же докладе Н. И. Репникова и также воздержался от всякого выступления на нем.

Дело в том, что я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921-го года, делал доклад о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и в Ленинграде (в ГАИМК'e [Государственной Академии истории материальной культуры]) в 1927 г., и написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, предполагал в 1927 и 28 гг. раскопки Эски-Кермена как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н. И. Репников, причем оттеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, ввиду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилен в отстаивании себя, а Н. И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, ввиду того, наконец, что я вообще человек миролюбивый и всяких свар избегаю, — я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене.

К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою работу об Эски-Кермене, так как рукопись её лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании напечатания. Я бы очень хотел принять в дальнейшем посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена...⁶³

В июле 1929 г. А. И. Маркевич занимался организацией поездки С. Ф. Платонова в Крым. 19 июля 1929 г. он сообщал академику, что, если тот откажется от ночевки в его доме и захочет поселиться в гостиницу, лучшими в Симферополе являются «Ленинградская» и «Дом крестьянина»⁶⁴. Сергей Федорович планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзенем. Готовясь к этой встрече, С. Ф. Платонов, при содействии А. И. Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Н. И. Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ⁶⁵.

К середине 1929 г. противостояние Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С. Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Н. И. Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских Александром Ивановичем Анисимовым (1877—1937), отложившаяся в личном архивном фонде последнего в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи⁶⁶. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н. И. Репникова с заведующим реставрационным отделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871—1960), которая была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма»⁶⁷. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н. И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена.

Интересный источник, связанный с этим вопросом, нам удалось обнаружить в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН. Это письмо А. И. Маркевича в Крымскую комиссию Государственной Академии истории материальной культуры от 15 июля 1929 г. Приводим его текст полностью:

Ознакомившись с протоколами (в копиях) заседаний Крымской комиссии Академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая этого года, я по званию своему председателя Таврического общества истории, археологии

и этнографии, считаю обязанностью защитить доброе имя и нравственное достоинство его члена — секретаря Н. Л. Эрнста от тех обидных подозрений, которые были высказаны по его адресу некоторыми лицами в дискуссии по докладам товв. Репникова и Раудоникаса [Владислав Иосифович Равдоникас (1894—1976)] в этих заседаниях именно о том, что он использовал и выдал за свои чужие (пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда) научные материалы: рисунки, чертежи и т. п.

Имея с Н. Л. Эрнстом почти ежедневное общение в течение десяти лет, я знаю хорошо его как добросовестного научного работника и благородного человека, неспособного к плагиату ни в малейшей степени. Я хорошо знаю и то, с каким глубоким интересом занимается он древностями Крыма, между прочим, пещерными городами, и в частности Эски Керменом, на изучение которого посвятил много труда в последние годы, и кабинетного, и полевого, на месте. Глубоко скорблю, что ему не привелось принять участие в раскопках Эски Кермена.

Не могу не остановиться и на странном заявлении Н. И. Репникова в заседании Крымской комиссии 9 мая о том, [что] будто бы, «материалы графа Уварова, относящиеся к пещерным городам Крыма, хранились в одном экземпляре в Архиве б[ывшей] Таврической архивной комиссии и принадлежали ранее Султану Крым Гирею Хану». Заявляю, что никогда ни малейших материалов Уварова в этой Комиссии не было и нет их в библиотеке ее преемника Таврич[еского] общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии]. Были в ней и находятся в настоящее время только сочинения Уварова и хорошо известный Атлас к его «Исследованию о древностях Южной России», подаренный Тавр[ической] уч[еной] арх[ивной] комиссии ее покойным членом Н. А. Султан-Крым Гиреем. Какое отношение имело заявление Н. И. Репникова к вопросу, о котором шла речь, не могу понять. Очевидно, имя Уварова понадобилось в такой же мере, в какой упоминалось и имя пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда.

Председатель Таврического общества истории,
археологии и этнографии А. Маркевич⁶⁸

Узнав от археолога, крымоведа Александра Андреевича Спицына (1858—1931) об открытиях Н. И. Репникова в 1928 г. на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С. Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862—1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты⁶⁹. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С. Ф. Платонов рекомендовал Ф. А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР⁷⁰. Ф. А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С. Ф. Платонов

поддержал эту идею и 11 апреля 1929 г. обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета народных комиссаров СССР Е. В. Воронову⁷¹. Получив согласие этого чиновника, С. Ф. Платонов 24 апреля 1929 г. провел через общее собрание АН СССР решение о необходимости проведения совместных археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными⁷². Вот почему академик так пристально интересовался у А. И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 г., он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, С. Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе и сопроводить на Эски-Кермен. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук — работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР⁷³.

Уезжая из Крыма, С. Ф. Платонов перепоручил все организационные заботы о немецких археологах Зауере и Финдейзене, которые должны были определить объемы предстоящих исследований советско-германской археологической экспедиции, Арсению Ивановичу Маркевичу. 9 сентября 1929 г. А. И. Маркевич писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытию и времяпрепровождению⁷⁴. 13 сентября 1929 г. он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году»⁷⁵. Уже 23 сентября 1929 г. он подытоживал: «Самое важное — немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене], и проблема крупных раскопок в будущем году упрочилась»⁷⁶.

23 сентября 1929 г., сообщая С. Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А. И. Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки»⁷⁷.

Изменение тона и оценки заслуг Николая Львовича Эрнста в письмах Арсения Ивановича к коллегам в Ленинград наступает после избрания Н. Л. Эрнста на должность председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии, которое сам же А. И. Маркевич и спровоцировал. Находясь в конце 1920-х гг. все больше времени у дочери в Ленин-

граде, А. И. Маркевич неоднократно публично пытался отказаться от должности председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии. В одном из писем к С. Ф. Платонову, написанных в Ленинграде, он заявлял: «Я решил оставить должность председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии. Тяжело уже вести старую линию, а на новую не могу и не хочу переходить. Отказываться лично, здесь [в Симферополе] было бы для меня тяжело, да могут быть и неуместные просьбы, демонстрации и т. д., которые только бы волновали меня и подливали масла в огонь»⁷⁸.

Насколько искренним было желание А. И. Маркевича уйти с поста руководителя организации, деятельность которой он направлял на протяжении многих лет, неизвестно. По крайней мере, находясь в 1929 г. в Ленинграде, Арсений Иванович не подал заявления об отставке с поста председателя общества. А вот что сообщал Арсений Иванович о своем уходе с должности председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии академику Сергею Александровичу Жебелёву 25 апреля 1930 г.:

...Уведомляю Вас, что с 19-го числа я уже не председатель нашего Общества истории, археологии и этнографии. События шли быстро, положение мое выяснялось, отношение ко мне “общественности” (в смысле правящих органов и элементов) определилось, и я *не мог* продолжать борьбы, должен был уступить и уйти. Не скрою, что мне нелегко было сделать этот шаг. Я остался единственным из учредителей б[ывшей] Тавр[ической] уч[еной] арх[ивной] ком[иссии], много лет мне пришлось самоотверженно работать. <...> Я остался на посту и во время революции и не прерывал работы ни на один день, на своих плечах вынес преобразование Комиссии в Общество истории и древностей [археологии и этнографии] и старался поставить его возможно лучше при самых скудных средствах и при крайнем оскудении персонального материала... Но моя работа, моя идеология не нравилась, вражду по отношению ко мне перенесли на ненависть к Обществу, и тут уже мое положение стало невыносимым. Я долго не сдавался, понимая, что с моим оставлением председательства будет нанесен удар по Обществу, я надеялся на решительную поддержку лиц, казавшихся моими единомышленниками, но ее не оказалось, заявления сочувствия ... не имели должной силы, — и бороться стало невозможно. Правда, правит[ельственные] элементы оказали мне [нрзб]. Мне предложено было принять звание почетного председателя Общества, но это было... подсахариванием горькой пилюли. Я принял только звание почетного члена правления Общества. (Конечно, чтобы не бросать участия в делах Общества и направлять его научную работу.) Ввиду своей старости я очень часто думал о возможности уже в недалеком будущем отойти от Общества (и прежде всего вместе с жизнью), но думал, что моим преемником будет солидный, видный в ученом мире человек, — но и этого не случилось — председателем Общества по решительному заявлению желания

правлящих кругов избран Н. Л. Эрнст. Вы его знаете, он был хорошим секретарем Общества, но хватит ли у него такта, способности, старания и авторитета, чтобы расположить к себе ученые круги, не могу сказать определенно...⁷⁹

Штрихи создают целостный портрет. Собранные по крупицам в архивах Киева, Москвы и Санкт-Петербурга сведения позволяют нам формировать неизвестный доселе образ многогранной личности, выдающегося деятеля крымоведения Николая Львовича Эрнста.

¹ См.: Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 262—268.

² Неудачной оказалась статья о Н. Л. Эрнсте в главном справочном издании для украинских историков. (см.: Бикова Т. Б. Эрнст Микола Львович // *Енциклопедія історії України*. Київ, 2005. Т. 3. С. 46—47). В статье, к сожалению, отсутствует информация о трудах Николая Львовича, не указана литература о нем. Материал подан однобоко и не отражает всю многогранную деятельность ученого, отсутствует фото. Еще менее информативной является статья об Н. Л. Эрнсте в справочниках «Историки России» (см.: *Кряжева-Карцева Е. В. Эрнст Николай Львович // Историки России XX века : биобиблиогр. слов. / авт.-сост. А. А. Чернобаев : в 2 т. Саратов, 2005. Т. 2. С. 570.*) и об украинских археологах, в котором вообще сосредоточена масса фактических ошибок (см.: *Мезенцева Г. Г. Дослідники археології України: енциклопедичний словник-довідник*. Чернігів, 1997. С. 31).

³ См.: *Бібіков С. М. Микола Львович Ернст : до 75-річчя з дня народження // Археологія*. Київ, 1964. Т. 16. С. 232—233; *Храпунов І. М. Микола Львович Ернст // Археологія*. Київ, 1989. № 4. С. 111—115.

⁴ Цит. по: *Білокін С. І. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст*. Київ, 2006. С. 239—240.

⁵ См.: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 80—85А.

⁶ Там же. Л. 80.

⁷ См.: Там же. Л. 81, 82.

⁸ См.: Там же. Л. 83—84 об.

⁹ См.: Там же. Л. 84 об.

¹⁰ Там же. Л. 85.

¹¹ См.: Там же. Л. 85А.

¹² См.: НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л.1; Д. 2. Л. 26.

¹³ См.: *Білокін С. І. В обороні української спадщини...* С. 12.

¹⁴ См.: Там же.

- ¹⁵ См.: НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 18—21.
- ¹⁶ См.: Білокін С. І. В обороні української спадщини... С. 12—13.
- ¹⁷ См.: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 80.
- ¹⁸ См.: Білокін С. І. В обороні української спадщини... С. 13—14.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 18—19.
- ²⁰ См.: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83 об.
- ²¹ См.: *Ernst N.* Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte.* Berlin, 1912. Bd. 3, H. 1. S. 1—58.
- ²² См.: Білокін С. І. В обороні української спадщини... С. 26—27.
- ²³ Эрст Т. Л. [Воспоминания] // Білокін С. І. В обороні української спадщини... С. 278—279.
- ²⁴ См.: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83.
- ²⁵ См.: ГАГК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 391. Л. 8, 16.
- ²⁶ См.: Білокін С. І. В обороні української спадщини... С. 29.
- ²⁷ См.: РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.), Приказы и распоряжения. Л. 27, № 16.
- ²⁸ РНБ ОАД. Ф. 10/1, Личное дело Н. Л. Эрста. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 3.
- ³⁰ См.: РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Приказы и распоряжения. Л. 32, № 30.
- ³¹ Михеева Г. В. Эрст Николай Львович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. слов. Т. 2 : Российская публичная библиотека — Государственная публичная библиотека в Ленинграде, 1918—1930.* СПб., 1999. С. 652.
- ³² См.: Там же.
- ³³ См.: РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1. Л. 45, № 59.
- ³⁴ См.: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005. С. 91—130. (Библиография крымоведения ; вып. 3).
- ³⁵ См.: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83.
- ³⁶ Глеб Анато́льевич Бонч-Осмоловский (1890—1943) — антрополог, этнограф. В 1921 г. — заведующий КрымОХРИС.

- ³⁷ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 71. Л. 12.
- ³⁸ Там же. (1922). Д. 57. Л. 5—6 об.
- ³⁹ См. подробнее: *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. Т. 1. 324 с. (Биобиблиография крымоведения; вып. 7); Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008. 600 с. (Биобиблиография крымоведения; вып. 12).
- ⁴⁰ *Білокінь С. І.* В обороні української спадщини... С. 270.
- ⁴¹ См. подробнее: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич... С. 75—90.
- ⁴² НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 1—1 об.
- ⁴³ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ См.: Там же. Л. 3—3 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5—6.
- ⁴⁷ Там же. Л. 9 об. Интересно и подробно о психологической атмосфере в Крымском университете (с 1925 г. — Пединституте имени товарища М. В. Фрунзе) рассказывает в многочисленных письмах к Игнатию Юлиановичу Крачковскому преподаватель этого вуза Виктор Иосифович Филоненко (см. об этом: *Непомнящий А. А.* Академик Г. Ю. Крачковский і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // Східний світ. Київ, 2008. № 1. С. 194—209; № 2. С. 148—157; *Его же.* Нові матеріали з історії кримознавства 20-х років ХХ століття в листуванні Г. Ю. Крачковського та В. Й. Филоненка // Краєзнавство. Київ, 2008. № 1/4. С. 85—95; *Его же.* Листування В. Филоненка з академіком Г. Крачковським: Нове джерело з історії кримознавства 20-х років ХХ ст. // Історичний журнал. Київ, 2008. № 3. С. 9—18).
- ⁴⁸ См.: НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 10, 11.
- ⁴⁹ *Алексей Степанович Башкиров* (1885—1963) — историк-крымовед, доктор исторических наук, профессор (см. собственноручно заполненные им анкеты: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 48. Л. 8—12; личное дело А. С. Башкирова см.: ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 64).
- ⁵⁰ НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 13—13 об.
- ⁵¹ После возвращения крымских делегатов в Симферополь на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии было устроено обсуждение работы конференции. С основным докладом выступил Н. Л. Эрнст, который акцентировал внимание на «необходимость вовлечения в краеведческую работу широких масс населения и советской общественности (профессиональных и партийных организаций) и передовой молодежи», а также на «необходимость тесной связи с госорганами, особенно хозяйственными и планирующими» (см. подробнее: *Непомнящий А. А.* Новые архивные документы к биографии Арсения Маркевича, 1921—1926 // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. История (Симферополь). 2004. Т. 178 (56), № 1. С. 42—48; *Его же.* Эпистолярные материалы как источник для восстановления истории краеведения в Крыму в 30-е годы

XX века // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ, 2009. Вип. 3 : На пошану професора Анатолія Григоровича Болєбруха. С. 388—410.

⁵² Александр Андреевич Спицын (1858—1931) — археолог.

⁵³ НАФРФ ИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 15 об.

⁵⁴ Там же. Л. 17.

⁵⁵ Там же. Л. 19—19 об.

⁵⁶ Там же. Л. 19 об.

⁵⁷ Там же, л. 20.

⁵⁸ Имя одного из крупнейших российских историков — академика АН СССР *Сергея Федоровича Платонова* (1860—1933) — только в последнее время заняло свое достойное место в истории крымоведения (см.: *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка: академик С. Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005. 450 с.; *Непомнящий А. А.* Новые материалы по крымоведению : по переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини* : зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства, і культурології. Київ, 2007. Вип. 4. С. 98—144).

⁵⁹ Раскопки Н. И. Репникова в Крыму начались с 1903 г. и продолжались с некоторыми перерывами до самой смерти. В год смерти ученого (1940) приходится его последняя экспедиционная поездка в Крым. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках раннего Средневековья: Византийский Херсонес, готский могильник Суук-Су, Партенитская базилика VIII в., «пещерные города». С 1926 г. Н. И. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный им обильный разнообразный материал дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа (см. подробнее: *Герцен А. Г.* Неизвестный документ из наследия Репникова // *In situ* : к 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 386—401; *Его же.* Н. И. Репников о Мангупе // *Историческое наследие Крыма*. Симферополь, 2007. № 17. С. 30—38; *Непомнящий А. А.* «Поки оберігаємо та рятуємо, де можна, але це дуже важко...»: Невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А. І. Маркевича та С. Ф. Платонова // *Праці Центру пам'яткознавства*. Київ, 2008. Вип. 13. С. 201—226; Вип. 14. С. 133—156.

⁶⁰ РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3486. Л. 28.

⁶¹ Там же. Л. 29.

⁶² РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 3—4.

⁶³ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1909. Л. 1—1 об.

⁶⁴ См.: РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 7.

⁶⁵ См.: Платонов С. Ф. [Об археологических исследованиях Н. И. Репникова в Крыму: предисл. к ст. В. И. Равдоникаса] // Вестник знания. Л., 1929. № 7. С. 290.

⁶⁶ См.: ГТГ ОР. Ф. 68. Оп. 1. Д. 322. Л. 1. Д. 323. Л. 1—2; Д. 324. Л. 1—3.

⁶⁷ См.: «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю / подгот., предисл., коммент. Е. А. Теркель // Ист. наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 14. С. 212—223.

⁶⁸ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 40. Л. 58—58 об.

⁶⁹ См.: Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь, 2001. С. 118, 666.

⁷⁰ См.: Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна // Изв. Академии наук СССР. Сер. 6. 1927. № 18. С. 1517—1520.

⁷¹ См.: ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 28. Л. 66.

⁷² См.: Там же. Д. 251. Л. 15 об.

⁷³ См. подробнее: Брачев В. С. Крестный путь русского историка... С. 307.

⁷⁴ См.: РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 13—14.

⁷⁵ Там же. Л. 17.

⁷⁶ Там же. Л. 18.

⁷⁷ Там же. Л. 21 об.

⁷⁸ Там же. Л. 25.

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 80. Л. 7—8.